

УДК [82/09“19”+94(47).08](045)

***ЗАВЕР Татьяна Владимировна**, аспирант
кафедры теории и истории литературы гуманитарного института филиала Северного
(Арктического) федерального университета имени
М.В. Ломоносова в г. Северодвинске*

Ю. ТРИФОНОВ: КНИГИ О ПОДВИГЕ И ТРАГЕДИИ

В статье рассматривается историческая и документальная основа произведений Ю. Трифонова «Нетерпение» и «Отблеск костра», политическая и нравственно-философская программа революционеров конца XIX – начала XX века. Анализируется устанавливаемая писателем связь эпохи народовольчества с политическими проблемами современности, осмысление Ю. Трифоновым человеческих судеб в истории.

Ключевые слова: историческая проза, народовольчество, этическая программа, документальность.

В русской литературе XX века (70–80-е годы) писатель Ю. Трифонов занимает свое, особое место. Душевные и мировоззренческие склонности писателя делали его продолжателем традиций русской классики, а мышление человека XX века подвигло его на осмысление серьезнейших проблем, связанных с историческими событиями, произошедшими в России. История «от народовольца» рассказана в его романе «Нетерпение»; драму и героикку гражданской войны мы ощущаем в романе «Старик», время страшных репрессий, время предательства других и себя – в «Доме на набережной» и «Исчезновении», поэтика «мелочей жизни», которая играет такую огромную роль в создании картины мира, предстает в его цикле «Московские повести», обращение к мотиву памяти позволяет Трифонову создать эпическое полотно протяженностью в четыре десятилетия в романе «Время и место». Писатель

мог бы поставить свое имя под фразой своего героя – историка Реброва из «Долгого прощания»: «Моя почва – история».

Объясняя замысел романа «Нетерпение», Ю. Трифонов писал: «Что такое история? На древнегреческом языке это слово означает расследование. Мне и хотелось написать расследование о Желябове, хотелось найти те корни, ту основу, которая стала в чем-то определяющей и для других писателей-революционеров»¹.

В 60–70-е годы XX века появилось много исторических исследований о таком явлении русской истории, как «народничество»: был «взрыв» интереса к судьбам народovolьцев, что было связано, по мысли В. Осоецкого, не просто с восстановлением исторической истины, а со стремлением осмыслить их этико-философские взгляды: «Расширение нравственного полифонизма исторического романа, усиление его идейно-воспитательной роли в формировании современного

сознания – вот, пожалуй, то определяющее, что находит свое выражение в обострившемся ныне интересе литературы к теме революционного народничества»².

Жанр этого романа следует определить как роман-расследование, при этом в нем можно обнаружить и черты документального жанра, потому что для Трифонова всегда было важным не только воссоздать исторические ситуации, но и показать, как они отражаются в характерах и поступках его персонажей. Он высоко ценил творчество Ф.М. Достоевского, который, по его мысли, создавал «пейзажи души» человеческой, не жалея для этого «ни красок, ни подробностей, ни многих, многих страниц»: «...Магма характеров находится в недрах, под великою толщей – ее надо прорыть, прогрызть»³.

Предметом художественного исследования (своеобразного «расследования») в романе стала судьба одного из участников организации убийства царя Александра II Андрея Желябова. Главная мысль Трифонова – осуждение терроризма, с помощью которого, по убеждению писателя, «нельзя достичь истинных общественных целей»⁴.

Н. Иванова, размышляя над вопросом, чем был вызван интерес Трифонова именно к этой эпохе, отметила, что народовольчество представлялось писателю, «ступенью в развитии русского революционного движения, непосредственно предшествовавшей организации рабочей коммунистической партии. Трифонов, чей отец и дядя были профессиональными революционерами, от своего времени – времени своей жизни – шел ко времени революции, ища там истоки и первопричины того драматического опыта, который стал уже его собственным, а от революционеров 1917 года – к их идейным предшественникам; углубляясь исторически в первопричины, связывая развитие русского революционного движения в своем сознании с современной эпохой. «Разрывание могил» – это был и его метод, а не только метод героя последовавшей за «Нетерпением» повести «Другая жизнь»⁴.

Ю. Трифонов связывал свое обращение к этой эпохе с политическими проблемами

современности, в частности с терроризмом. В данном аспекте показателен его ответ на вопрос немецкого критика Ральфа Шредера о замысле «Нетерпения»: «Это время, от которого нас отделяет столетие, очень важно не только для меня. Тогда очень многое сплелось друг с другом, завязались бесчисленные узлы будущей истории. Эта эпоха важна для всего мира, потому что она помогает понять “горячие события” сегодняшнего времени»⁵. Ральф Шредер вполне справедливо не противопоставляет «городскую» и «историческую» прозу Трифонова, поскольку в той и другой писатель ставит одни и те же вопросы – о взаимоотношении личности и истории, человека и обстоятельств. Однако в «Нетерпении» герой иного психологического склада, нежели в «Московских повестях». Желябов не только талантлив, но и обладает сильной волей, целеустремленностью. Он – человек действия. Трифонов характеризует своего героя такими фразами: «Терпенья у него не хватало», «Невозможно терпеть». И эта характеристика Желябова в романе является лейтмотивной. А. Лебедев в своей статье «Нетерпимость» отмечал, что писатель «услышал» этот лейтмотив: «Динамика смыслового значения [слова «нетерпение». – Т.З.] выражает развитие главной идеи романа – идеи драматической»⁶. Как точно отметила Н. Иванова, «“нетерпение” и “нетерпимость” – однокорневые слова, несущие родственные смыслы: нетерпение в осуществлении собственной цели, как правило, нетерпимо к другой, чужой точке зрения. Нетерпимость как отношение, нетерпимость к другой мысли, безапелляционность всегда были теми чертами, которые вызывали у Трифонова активное неприятие. В своей концепции искусства и литературы Трифонов исповедовал и проповедовал широту взгляда, внимание к тому, что кажется чуждым или непонятным. Отрицательно относясь к конформизму, мимикрирующему под любую мораль, отвергая компромисс как систему жизненного и творческого поведения, Трифонов тем не менее отнюдь не питал слабости к так называемой принципиальной нетерпимости»⁷.

В романе объективное авторское повествование перемежается с открытыми «голосами» участников событий, при этом голос автора звучит почти протокольно, погружая нас в события прошлого. В нем – сотни эпизодов, происшествий, характеров.

Обращение Ю.В. Трифонова к документу органично, ведь его целью всегда является воссоздание исторических событий и осмысление человеческих судеб в истории. Героем многих произведений писателя стал его отец Валентин Андреевич Трифонов. Это был типичный профессиональный революционер, прошедший через тюрьмы и ссылки. Соратник Ленина, фанатик идеи, чуждый каких-либо компромиссов, он был готов и себя, и других бросить в «костер истории», «одним из тех, кто раздувал пламя: неустанным работником, кочегаром революции, одним из истопников этой гигантской топки». Во многом психология Валентина Трифонова, его единомышленников по партии были своеобразно трансформированной психологией народных волеводцев, политическое нетерпение которых (а среди них было около 500 представителей разночинной интеллигенции), как и позднее большинства представителей ленинской партии, рождалось от отчаяния, от осознания невозможности добиться справедливости, изменить положение дел в России мирным путем. Этого нельзя было добиться и следуя по пути народных волеводцев – посредством индивидуального террора. Прав Ю. Окладский, утверждая, что категория «нетерпения» в романе «Отблеск костра» – это и «политическое, и философское умонастроение, и нравственно-этическая программа, и особая жизненная правда действующих лиц, которую внимательно исследует писатель»⁸.

В сознании Ю.В. Трифонова его собственная судьба была неотрывна от судьбы его поколения. Кроме понятия «нетерпение» для поколения писателя было также особо значимо понятие «исчезновение», связанное с исчезновением реалий старой России, традиционных духовных ценностей и людей, их сохраняющих.

В «Отблеске костра» документы перебиваются размышлениями, комментариями, лири-

ческими отступлениями автора, при этом точно обозначая время действия, в которое происходят исторические события (1904, 1917, 1920, 1937 годы). Писатель использовал принцип монтажа времен, выстраивая при этом концентрический сюжет, в основе которого лежат причинно-следственные связи: шел «поиск достоверности». Как замечал Ю. Трифонов, «ничто не добывается с таким трудом, как историческая справедливость». С этим писательским принципом связан и вопрос о жанре этого романа. Как объяснял автор, «Отблеск костра» – «не исторический очерк, не воспоминание об отце, не биография его, не некролог. Это и не повесть о его жизни. Все это возникло после чтения бумаг, которые нашлись в сундуке, в них гнезвился факт, они пахли историей, но оттого, что бумаги были случайны, хранились беспорядочно, и жизнь человека проглядывала в них обрывочно, кусками, иногда отсутствовало главное, а незначительное вылезало наружу: оттого и в том, что написано ниже, нет стройного рассказа, нет подлинного охвата событий и перечисления важных имен, необходимых для исторического повествования, и нет последовательности, нужной для биографии, – все могло быть изложено гораздо короче и в то же время бесконечно шире. Я шел за документом. Меня заворожил запах времени, который сохранился в старых телеграммах, протоколах, газетах, листовках, письмах. Они все были окрашены красным светом, отблеском того громадного гудящего костра, в огне которого горела прежняя российская жизнь». Герои его документальной книги руководствовались революционными нормами морали. И. Крамов считал, что этот трифоновский роман отличается «...каким-то подпочвенным звучанием, какой-то музыкой, различимой с первых же страниц. О чем она? О встрече близких людей, разделенных крутым перепадом истории. Открытый пафос, внутренний заряд чувства, взволнованность и естественная сдержанность сына, рассказывающего о встрече с отцом, – всем этим книга выходит из обычных жанровых рамок...»⁹.

Целью Трифонова было не просто создать «образ-личность»¹⁰ своего отца, а стремление разобраться в психологии «человека, созданного историей», которому были присущи гражданское горение, эмоциональный взлет, готов-

ность на любые жертвы во имя справедливого общественного устройства России. Он подвигает нас к философскому постижению мира и человека, осмыслению грани между добром и злом.

Примечания

¹Лит. газ. 1971. 25 авг.

²Оскоцкий В. Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа. М., 1980. С. 366–367.

³Трифонов Ю.В. Загадка и провидение Достоевского // Новый мир. 1981. № 11. С. 239.

⁴Иванова Н. Проза Юрия Трифонова. М., 1984. С. 169.

⁵Беседа Ю. Трифонова с немецким критиком Ральфом Шредером // Вопр. литературы. 1982. № 5. С. 64–74.

⁶Лебедев А. Выбор. Статьи. М., 1980. С. 201.

⁷Иванова Н. Проза Юрия Трифонова. М., 1984. С. 172–173.

⁸Оклянский Ю. Юрий Трифонов. М., 1987. С. 203.

⁹Крамов И. Судьба и время // Новый мир. 1967. № 3. С. 254.

¹⁰Цурикова Г., Кузьмичёва И. Утверждение личности. Очерки о герое современной документально-художественной прозы. Л., 1975. С. 33.

Zaver Tatiana Vladimirovna

Postgraduate Student of Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov, Humanitarian Institute

YURI TRIFONOV: BOOKS OF HEROISM AND TRAGEDY

The article examines the historical and documentary basis of Yu. Trifonov's works *Impatience* and *The Light of the Fire*, as well as the political, moral and philosophical program of the revolutionaries of the late 19th – early 20th century.

Key words: *historical prose, Narodnaya Volya movement, ethical program, documentary character.*

Контактная информация:
e-mail: tatiana.zaver@gmail.com

Рецензент – Лошаков А.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске